

Девушка бежала по пустынным руинам того места, где когда-то был ее дом. Имперская столица, некогда известная как "Город, освещенный луной", была сожжена в результате многочисленных войн и превратилась в зону беззакония. Сейчас она представляла собой тлеющую тень своего прежнего облика. Кругом лежали тлеющие иссушенные тела. Когда-то это были люди; теперь это были даже не трупы. Мрачная картина.

Поэтому... даже вид молодой девушки, преследуемой вооруженными людьми, не вызвал у жителей реакции. Девушка продолжала бежать... и бежать... она запыхалась. Ее тусклые волосы серебристого цвета, которые, вероятно, давно не мыли, намокли от пота и прилипли к щекам. Ее щеки были бледными, что контрастировало с грязью на них. Ее худые плечи тяжело вздымались, когда она изо всех сил пыталась сделать достаточное количество вдохов. Но девушка не остановилась.

Оглянувшись через плечо, она продолжала убегать от преследователей. Она бежала... и бежала одна... и бежала, задыхаясь... и бежала, несмотря на боль и усталость... и бежала, как отчаявшаяся добыча... и бежала даже без сил... и бежала из чистого страха. Потом это случилось. Усталость и боль настигли ее; силы подвели ее... она больше не могла бежать. Она спотыкалась, спотыкалась и падала.

—Ах...

Девушка сильно ударилась, и что-то вылетело из ее рук. Старая книга. В период книгосожжений эта книга была первой жертвой. Поэтому ее экземпляров было очень мало. На обложке было написано: "Великая эпопея принцессы Мии, Мудрости империи". Не обращая внимания на усталость, боль и раны, девушка поспешно подползла к книге, чтобы взять ее. Это была книга, написанная человеком, который вырастил ее. Автор была ей как вторая мать.

—Мама Элиза.

Девушка вспомнила нежную улыбку своей ныне покойной приемной матери.

"Послушай, Бел. В книге содержится правда. Ты должна знать правду. Правду о твоей бабушке и о том, каким человеком она была. Неважно, сколько лжи ты услышишь, только ты должна знать, что произошло на самом деле..."

Эта девушка, которую звали Бел, вспомнила, что после того, как ее вторая приемная мать говорила ей это, она ласково гладила ее по голове.

—Мама Энн...

Бел вспомнила тепло той, что вырастила ее в любви.

"Убегай, моя дорогая. Храни свое имя гордо в своем сердце. В тебе течет ее кровь. Ты не должна умереть. Беги! Беги!"

Так сказала ее первая приемная мать. Она обняла ее. Ее улыбка была такой же теплой, как кровь, что хлынула из ее груди.

Бел вспомнила лица людей, которых она любила и которые любили ее. Добрые, сострадательные лица, которые она больше никогда не увидит.

"Тетя Тиона... Тетя Хлоя... Мистер Людвиг... Дядя Дион...".

Все мертвы. Все эти люди, которые проявляли к ней доброту, были мертвы. Они умерли, защищая ее. Однако перед смертью все они произносили одни и те же слова — кто-то с сожалением, кто-то с горькой улыбкой. Но неизменно они говорили одно и то же.

"Если бы только она была жива... Всего этого не случилось бы".

Если бы только эта святая леди, полная сострадания, "Великая Мудрость империи", была жива здесь, с ними, то империя — нет, весь мир — смог бы избежать этой ужасной участи. Казалось, все были в благоговении и восхищении перед этой женщиной. Но у Бел не осталось никаких воспоминаний о ней. Все, что она могла вспомнить — это смутные впечатления. Поэтому все ее знания об этом почитаемом человеке были почерпнуты из книг. Эта почитаемая личность, несомненно, заслуживала того, чтобы называться "Великой Мудростью империи" среди прочих титулов. Как святая, она была образцом сострадания и доброжелательности; как принцесса, она была спасительницей своего народа.

Одно время было запрещено говорить о "Мудрости империи" или императорской семье. Но даже тогда, люди говорили о ней шепотом. И когда говорили об этой великой личности, при упоминании ее имени их лица расцветали восхищением и нежностью. Это наполняло Бел гордостью. Мысль о том, что в ее жилах течет та же кровь, была для нее как сияющий маяк.

—Так ты, наконец, сдался, малышка?

Жестокий голос выдернул Бел из теплых воспоминаний обратно в реальность. Когда она подняла глаза, то увидела человека, одетого в грубые кожаные доспехи, с угрожающей улыбкой.

—Мне жаль. Нам тоже не нравится это делать, но золотые монеты за твою голову слишком привлекательны.

—Не хочешь ли ты пойти с нами? О, просто хочу сказать, что если ты убежишь, мы тебя убьем. Неважно, живой или мертвой. Выберешь между моим мечом и виселицей.

—Я не знаю, та ли она. Она такая грязная. Дай-ка я проверю объявление о розыске... Эй, малявка, как тебя зовут? Лучше скажи правду!

Страх заполнил ее сердце, и она задрожала.

"Мне страшно... Мне так страшно... Мама..."

Она крепко прижала книгу к груди.

"Помоги мне... Бабушка..."

В этот момент... ей показалось, что она слышит голоса своих близких.

"Носи это имя гордо... и иди! И пожалуйста, выживи... живи! Расскажи им... об этом человеке... расскажи правду миру..."

Она вдруг вспомнила... что это значит, кто она такая, и что она унаследовала. Что кровь, текущая в ее теле, передалась ей от того, кто был символом надежды для ее народа. Восторг и гордость пронзили ее, как молния. Она больше не боялась. Теперь она была полна боевого духа. Побуждаемая этой страстью, она встала. Она смотрела на мужчин молчаливым напряженным взглядом. Ее голубые глаза были наполнены чистой, сияющей решимостью.

—Грубые болваны... отступите!

Девушка выпрямила спину, а ее голос стал тверже. Несмотря на свой маленький рост, она стояла с высоко поднятой головой. Она выглядела внушительной. Она была полна решимости вести себя с достоинством, подобающим тому, кто принадлежал к роду "Великой Мудрости империи". Хотя Бел не могла сравниться с ней, она излучала ту же ауру. Затем она объявила вслух:

—Меня зовут Миабель, Миабель Луна Тиамун! Та, кто унаследовала благородную кровь Святой и Великой Мудрости империи, Миабель Луна Тиамун!

Внезапно раздался взрыв. Книга, которую она прижимала к груди, раскрылась, слова вырвались из страниц и закружились вихрем в золотом сиянии, а затем превратились в золотые нити. Эти золотые нити обвились вокруг тела Бел.

— А? А? А?

Бел стояла ошеломленная и потрясенная. Ее подняли в воздух. В следующее мгновение она исчезла.

...Таким образом, пески времени начали сдвигаться.